

БЕСЕДА ПО ПОВОДУ ЗРЕЛИЩ, ДОПУСКАЕМЫХ НА СВЕТЛОЙ ПАСХАЛЬНОЙ СЕДМИЦЕ

*Сей день, егоже сотвори Господь,
возрадуемся и возвеселимся в онь.*

Пс. 117, 24

Каждый день настоящей Светлой седмицы Святая Церковь приглашает верующих к радости и веселию. Конечно, не к грубо чувственному веселию приглашает она, но к духовному, божественному: *веселимся Божественне, яко воскресе Христос*¹³³, — говорит она в священных песнопениях своих.

Эта радость и веселие столь чисты и священны, что Церковь, как руководительница верующих, не позволяет примешивать к ним иного какого-либо веселия нечистого, греховного. Соборными правилами своими она воспрещает всякого рода греховные зрелища, конские ристалища, смехотворные представления и т. п.

Впрочем, не одни церковные правила, но и царские законы воспрещают это в течение всей Светлой седмицы.

Доселе у обитателей нашего города было одно веселие — в храме Божиим, и у всех и утром, и вечером была как бы одна дорога — к храму Божию.

Но вот с настоящего дня открываются пути к местам зрелищ и общественных увеселений. Как это произошло — не нам судить об этом, не в этом святилище и не в эти священные минуты. Думаем только, что разрешением на открытие зрелищ в эти святые дни при существовании воспретительных правил и законов сделана невольная уступка напору толпы, не довольствующейся обилием хлеба, разнообразием яств и невинных удовольствий, разрешаемых Церковью, но требующей и соблазнительных зрелищ.

Впрочем, получившие разрешение в эти святые дни Пасхи на открытие театров и общественных увеселений не желали бы пользоваться дарованным разрешением как уступкой их настоянию, но хотели бы иметь это как законное право. Это потому, что они не смотрят на театр как на место для праздного препровождения времени, но как на законное нравственно-воспитательное учреждение. При этом некоторые указывают как на заслугу в театральных

представлениях то, что в них, между прочим, наглядно порицаются пороки и восхваляются добродетели, а это якобы располагает зрителей презирать первые и любить последние. Так ли это? Посмотрим.

Допустим, что в театрах порицается порок и восхваляется добродетель. Но много ли дает театр таких поучительных представлений? Рядом с ними не показываются ли такие лицедейства, на которые нельзя смотреть не краснея и на зрение которых добрые родители не отпустят своих детей, оберегая их нравственную чистоту? Если даже допустим, что таких представлений дается немного, что они общественным мнением не одобряются как не нормальные, — тем не менее таковые представления существуют неизменно. При таком положении театрального дела не исполняется ли то, что выражено народным изречением о меде и дегте, то есть что то добро, которому хотят научить посетителей театра, если бы даже и много его было, ослабляется или совсем уничтожается тем злом, какое показывается на соблазн зрителям, хотя бы то и в малых размерах, подобно тому как одна ложка дегтя может испортить большое количество меда.

Но предположим, — хотя [это] и невозможно, — что из театра будут удалены все представления, могущие служить соблазном для зрителей и действовать развращающим образом на молодое поколение и вообще на людей, не утвердившихся в нравственных правилах. Допустим притом, что театр примет характер строго нравственный и поучительный. Что выйдет из этого? Прежде всего то, что театр, потеряв свою заманчивость чрез устранение представлений, питающих чувственность, лишится многих, если не большинства, посетителей, а это неизбежно заставит распорядителей зрелищ прибегать опять к тем же греховным приманкам, которые были прежде устранены как нежелательные. Если же и при отсутствии грубо чувственных соблазнительных представлений театр будет наполняем неизменными своими посетителями, то и тогда для проповедников веры и нравственности христианской он не будет желательным, как учреждение, только терпимое Церковью для некоторых, но воспрещаемое для других. Театральные представления для некоторых становятся тем же, чем служат для других страстные игры. Страстный игрок не бывает добрым соседом, семьянином; тем реже он бывает в храме Божиим. Таковым же может быть и страстный театрал. Дух и внешняя обстановка храма и театра настолько противоположны, что привыкающий к театру отвыкает от церкви: подвиг церковного стояния для него кажется

отяготительным; умилительные напевы церковных песнопений для слуха, приученного только к изысканной музыке театров, представляются скучными; богослужение — однообразным, фимиам кадильный — для обоняния неприятным. Если постоянный посетитель театра чуждается храма Божия, то и постоянный посетитель храма также не нуждается в театре, как месте для приятного проведения времени, потому что храм вполне удовлетворяет его высшим стремлениям духа. А таковые стремления для него гораздо ценнее вожделений чувственности.

В наше время находятся и такие защитники театров, которые желали бы, чтобы и среди сельского населения учреждены были так называемые народные театры. В защиту своего мнения они выставляют между прочим то, что простой народ, не зная, чем наполнить свободное от работ праздничное время, предается в это время дикому разгулу и пьянству. А когда-де будут открыты для сельских жителей особые театры, то эти последние отвлекут народ от питейных домов и отучат от разгула. Что сказать на это? То же, что сказано и о вине: *Невинно вино, укоризненно же пьянство* (Притч. 20, 1). Не вреден, или почти безвреден благоустроенный театр, но вредно и разорительно пристрастие к театральным зрелищам. Однообразие назидательных представлений скоро наскучит и вызовет потребность разнообразить зрелища представлениями, возбуждающими чувственность и вообще сильно действующими на воображение. Удовлетворение этому неизбежно приведет народный театр к тем нежелательным и губительным последствиям, к каким приводят и городские театры.

Театр будет посещаем только тогда, когда в нем будет даваемо представление, возбуждающее чувственность. Таковыми театрами нетрудно будет угодить толпе народной. Но последствия этого будут весьма печальные. Теперь добрый селянин в праздничный день идет в храм Божий, неся с собой дар Богу от праведных трудов, винопийца же направляется к питейному дому, унося туда также трудовую копейку. А при совместном существовании в селениях театров и питейных домов все избытки селян пойдут в эти последние учреждения без остатка или с малым остатком для храма Божия и школы. Винопийца, быть может, побывает в театре, но зайдет всё-таки и в корчемницу или, побывав сперва в питейном доме, пойдет оттуда в театр, а храм Божий будет для него еще дальше, чем прежде, до существования театра. Таким образом, театры и питейные дома будут наполняться

посетителями, но опустеют храмы Божии. Внебогослужебные чтения и беседы, которые в последнее время стали повсюду вводиться и привлекать к себе народ, при существовании театральных приманок потеряют для народа свою привлекательность и могут закрыться, особенно там, где они не успели еще укорениться. Притом нужно бояться, чтобы, приучая народ к разного рода удовольствиям, и между прочим к зрелищам, не довести бы его до того состояния нравственного упадка, в какое приведена была римская чернь, требовавшая себе хлеба и зрелищ. А наш народ не потребовал бы еще худшего: вина и зрелищ.

Некоторые защитники театра так высоко ценят его, что не затрудняются назвать театр пособником Церкви. Посмотрим, так ли это. В чем театр может пособить Церкви? Задача Церкви — научить верных благочестию в вере и жизни. Научает ли театр благочестию? Напротив, не испаряется ли у постоянных посетителей театра всякий дух благочестия?! Задача Церкви — привести верных к нравственному совершенству, доколе достигнут они *в меру... возраста Христова* (Еф. 4, 13). Может ли театр пособить в этом Церкви? — Нет. Потому прежде всего, что театр, в лучшем своем смысле, наглядным изображением красоты добродетели и безобразия порока может только возбудить в зрителях отвращение от порочных людей и любовь к тем героям добродетели, которые изображаются в представлении. Может даже расположить к великодушному пожертвованию — только не в пользу добродетельных и беспомощно бедных людей, а для доставления удовольствий тем же лицедеям, которые олицетворяли в себе добродетель или порок.

Театр может научить осуждать и презирать тех лиц и те сословия, которым более свойствен тот или другой порок, — но едва ли научит видеть свой собственный порок, себя осудить. Тем более не научит ненавидеть порок и жалеть порочных людей — жалеть, но не презирать сих последних, как того требует христианская любовь. А еще более театр бессилен сделать порочных добродетельными, а добродетельных вести к высшему совершенству. Для этого нужна человеку особенная помощь Божия. А таковая подается только в Церкви, через святыя Таинства.

Церковь родила и воспитала множество подвижников, исповедников и мучеников, она исправила многих грешников. А театр — кого он научил благочестию?! Не он ли порождает пресыщенность

удовольствиями, недовольство жизнью, презрение к людям — и в заключение он же часто приводит и к самоубийству. Врата Церкви приводят к вратам рая, а двери театра туда ли приводят? Не отводят ли они от дверей Церкви? Постоянные посетители театров не в большинстве ли случаев бывают постоянно отсутствующими в храме?! Не для них ли Церковь становится чуждой, как бы неласковой мачехой, а не родной матерью? Но не потому, чтобы Церковь чуждалась их, а потому, что они чуждаются Церкви. А кому Церковь не мать, тому и Бог не Отец¹³⁴.

Итак, будем пребывать в Церкви; будем в ней искать удовлетворения высшим стремлениям духа, стремлениям к истине, красоте и добру. Удовлетворение только этим потребностям делает человека истинно счастливым, а не поблажка до пресыщения чувственности и не удовлетворение похотям очес с забвением о потребностях духа. Да будет и в настоящие дни, как и всегда, нашей руководительницей к добру и счастью Святая Церковь с ее высокими священнодействиями, а не дома лицедейных и увеселительных зрелищ.

Имеющим право и обязанность охранять народную нравственность не нужно ли иметь опасение, чтобы не дать вверенным их попечению вместо хлеба камень, вместо яйца — скорпиона?

Будем, христоименитые люди, в сии светлые дни Воскресения Христова праздновать Пасху *не с закваскою порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины* (1 Кор. 5, 8), да радуется душа наша ни о чем другом, но только о Господе, как научает нас тому Святая Церковь: *веселимся Божественно, яко воскресе Христос, яко всемогущ!*¹³³

БЕСЕДА ПО ПОВОДУ ИГР В ПАСХАЛЬНЫЕ ДНИ

*Сей день, егоже сотвори Господь,
возрадуемся и возвеселимся в оны.*

Пс. 117, 24

К какой радости и веселью призывает Святая Церковь чад своих в эти светлые дни? Конечно, не к тем удовольствиям, к которым призывают городских обитателей объявления, выставленные на улицах